Ученики «Ломоносовской гимназии» создали свои макеты сцен на уроке в Мариинском театре - Обзоры Журнала «Ресурсы, обзоры и новости образования» (ссылка на статью)

Театральный урок в Мариинском – 2018.

14 ноября параллель десятых классов посетила Мариинский театр в рамках проекта «Театральный урок в Мариинском», позволяющего школьникам бесплатно посмотреть представление в одном из самых выдающихся театров.

Редко подержишь в руках бутафорский щит или шпагу, редко поглядишь на механизм сцены или на балетную репетицию – а тут всю редкость для нас вместили в семь часов! Наша параллель, раздробленная на несколько групп, посетила едва ли каждый уголок здания…

И ониксовые пластины, и сверкающие хрусталём потолки зала… Каждая деталь торжественна, даже надпись над бутафорской фигурой дремлющего на складе: «Не мешайте спать!»… Будучи людьми приличными, мы бедняге мешать не стали. Но и не разделили его участь: дремать было некогда, неинтересно было скучать.

Воодушевившись первой частью экскурсии, дождались и соревновательного аспекта: вот, говорят нам, подумайте, погрузитесь в искусство на пару минут и создайте невероятное. Макет сцены, который раскроет наше собственное понимание оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Опишу работы наших групп.

Первая работа (с синим занавесом) иллюстрирует последнюю встречу Татьяны с Онегиным.

Всё в пасмурно-холодном блеске. Живописные плафоны петербургских покоев тихи, на плафонах – светлые, дальние края, глушимые теперь серебряным отсветом: вот он, символ покинутых девушкой родных мест, символ похолоденшей в свете Татьяны; вот он, образ Онегина, которого даже стрелистая не усладили… Зеркало из фольги отразит не замужнюю героиню, а только заиндевевшие судьбы обоих героев; и софитная голубизна покроет только разрыв между ними.

Вторая работа с зелёным ковром, покрывающим всю сцену – беседа главных героев в саду, Евгений, учащий «жизни» Татьяну:

…Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за неё вам отплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

В композиции Онегин действительно пред судом чистой души, но в обстановке реалистичной, тихой, мирной: спелые яблоки гниют на траве сада. Оригинально решение небес: над садом светило вроде луны – Онегин холоден, практичен, но мал перед Татьяниной душою.

Третья работа — "Дуэль".

Картина решена монохромно: акцент на белом. Почему? Белый цвет характеризует Онегина через бесчувственность вечного сплина (смерть при жизни), уже позднее – годы спустя в Петербурге – через ненужность свету, страшничество и схимничество… Пусто. И душа Онегина окладевает: да, сейчас, убив Ленского, герой сделался жертвою «окровавленной тени», но разве поэт – столь важная жертва? Ничуть.

Онегин раскаивается – не ради прежнего друга, не из-за того, что сквозь убийство осознал сердце Владимира. Раскаяние героя уже в будущем – от его же личной чувственной муки, от того, что он САМ (к концу произведения) перестал существовать частью эпохи (дендизм – явление недолговечное!) и своей судьбы не определил. Снег кругом, холоден главный герой: не на Ленского смотрит – смотрит вдаль и ничего не видит. Обратите внимание на задний план: гуще пустота, белизна… И природа Евгения родственна природе взятого нами места:

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкой,
Но разнобил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

Пустое поле, вокруг – остриями, а не пухом – лес. Судьба привычки, манеры, маски, а за маской – участь Евгения: пустота. Он поранит душу: не зря передний план занят линией «Будущая могила Ленского в родных последнему местах: убитый Ленский – Онегин». Применена и игра света и тени: благодаря «дереву» в углу и нескольким осветительным аппаратам смерть Ленского дробит мир Евгения. Кажется, что тень и свет, делящие задний план на две доли, исходят от креста… Ленский – близ света, в ярких, буйных, живых тонах; Онегин – во мраке практики, бесчувственности, вечного сплина, неиспелимого. Образ Онегина, судорожно отвращающего лицо снегом, в луче света, но среди тьмы – таков. А что же Ленский?… Погиб. В пламенном свете любви и поэзии. И рядом – лужа крови. И Зарецкий… Мы позволили себе привнести в произведение – в данный эпизод – тему поэта и толпы: Зарецкий – в прошлом дуэлянт, гений роковых «зрелищ»; и потому Зарецкий (секундант Ленского) виновен в смерти поэта… И склонился Зарецкий над Ленским, обрядившись в красные одежды: якобы помнит поэта! Но Зарецкий лишь попрактиковался в

«убийстве со стороны», и под свечение порыва вошёл одновременно с кровавой лужей. Ленский вымолвил: «… Туманный взор воображает смерть, не муку…»

А вот Зарецкий продолжит говорить ещё долго… Поэты умирают не от пуль, но от «друзей» «Зарецкие», ведь Иуды встречаются чаще, нежели кто иной. Онегин молчит. Перед зрителем – трое: мученик, палач и творец…

Пономарёв Илья, 10.1 класс
Ихонтикова Ксения, 10.2 класс
учащиеся ГБОУ гимназии №73 «Ломоносовская гимназия»
Выборгского района Санкт-Петербурга